

Ю. И. КРИВОНОСОВ

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ:
ТРИДЦАТЫЕ — ГРОМОВЫЕ, РОКОВЫЕ...***

Институт истории науки и техники (ИИНиТ) Академии наук СССР был создан в 1932 г. и в нынешнем году ему исполнилось бы семьдесят лет. Но он просуществовал всего шесть лет и был ликвидирован. Базой для создания института послужила Комиссия по истории знаний (КИЗ). В постановлении Общего собрания Академии от 28 февраля 1932 г. указывалось: «КИЗ переименована в Институт истории науки и техники». Положение об институте было утверждено уже 14 мая 1932 г. Президиумом АН, а затем и Общим собранием Академии. Руководителем института был назначен академик Н. И. Бухарин, принявший с 1930 г. руководство КИЗ. Его заместителем стал академик А. М. Деборин, а ученым секретарем — М. А. Гуковский, впоследствии в ходе псевдоидеологических баталий замененный Х. И. Гарбером. Главной задачей института в соответствии с Уставом являлось «изучение на базе марксистско-ленинской методологии истории науки и техники всех стран с древнейших времен до настоящего времени» [1, л. 2, 67].

Работам института в первые годы его существования посвящен ряд исследований, например [2, 3, 4]**. Их анализ показывает, что, несмотря на небольшой срок своего существования — фактически около шести лет — и скромный численный состав штатных сотрудников, в институте был проведен ряд крупных работ и опубликовано значительное количество монографий, тематических сборников и отдельных статей. Об этом говорит и «Список научных работ, выполненных Институтом истории науки и техники», приложенный к письму Н. И. Бухарина, о котором будет сказано ниже (см. Приложение 3).

В работах института принимали участие, а в ряде случаев и руководили (часто по совместительству, а иногда и сугубо формально) его структурными подразделениями академики С. Ф. Ольденбург, Н. И. Вавилов, И. Ю. Крачковский, С. И. Вавилов, Б. А. Келлер, В. П. Волгин, А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаров, В. Ф. Миткевич, Н. С. Курнаков и другие ученые. Основные подразделения института нацеливались на проведение исследований в области истории техники и отдельных ее отраслей, истории физики и математики, химии, биологии, агрокультуры и агротехники, а также истории Академии наук. Более подробно ленинградский период работы института освещен в упоминавшейся работе В. С. Кирсанова [4]. Однако, как отмечал С. С. Илизаров, «значительно меньше информации мы имеем о завершающем драматическом периоде, наступившем после рокового переезда ИИНиТ из Ленинграда в Москву» [2, с. 14].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (код проекта 02-03-18108а).

** В работе С. С. Илизарова [2, с. 163–164] приведена библиография работ об ИИНиТ за 1932–1937 гг.

В ходе последних изысканий в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) были обнаружены новые документы, относящиеся к 1936–1938 гг. и позволяющие открыть еще одну страницу истории ИИНИТ. Одновременно мы получили новые документальные свидетельства общей ситуации, сложившейся в тот период в Академии наук и в стране в целом. Эти материалы еще раз показывают, как на деле реализовывалась развязанная Сталиным кампания тотального террора, как фабриковались обвинения против ни в чем не повинных людей, даже не подозревавших, что они являются членами «контрреволюционных организаций», «участниками заговоров», «врагами народа», как рушились судьбы ученых, целых научных коллективов, как разрушались моральные и нравственные устои научной и общественной жизни.

Поставленные партийно-государственной политической машиной в условия, когда собственная жизнь, жизнь родственников, сотрудников и учеников, не говоря уже о карьере и просто нормальной научной работе, зависели не просто от лояльности режиму, но и от способности принять все стоявшие за гранью здравого смысла и элементарных норм человеческого общежития правила сталинской «игры», многие, в том числе крупные деятели того периода, не выдерживали, оказывались морально сломленными, а зачастую и физически уничтоженными.

Директор института Н. И. Бухарин (1888–1938)

Нет сомнений, что на судьбу института в определенной мере повлияла судьба его первого директора Николая Ивановича Бухарина. В 20-е годы Н. И. Бухарин входил в высшее руководство партии и страны. С момента создания Политбюро ЦК РКП(б), а затем ВКП(б) он входил в его состав (с 25 марта 1919 г. — кандидат в члены Политбюро, со 2 июня 1924 г. — член Политбюро)*, в 1918–1929 гг. был редактором «Правды» — главной газеты партии и страны.

О политической судьбе Н. И. Бухарина написано много специальных работ (см., например, [5, 6]), нас же будет интересовать его академическая деятельность в основном в связи с ИИНИТ. В начале 1929 г., еще будучи формально членом Политбюро**, Н. И. Бухарин в числе первой группы коммунистов был избран в состав Академии наук СССР (об истории этих выборов см. [7]). В течение всего 1929 г. проблемы Академии наук 14 раз рассматривались на заседаниях Политбюро, и по многим из них решения готовились при участии Н. И. Бухарина, написавшего ряд писем и записок в адрес членов ПБ [8, с. 55–86]. В частности, в обнаруженном в Фонде Бухарина в РГАСПИ рукописном письме (без даты, предположительно лето 1929. — Ю.К.) Н. И. Бухарин дает следующую характеристику положения

* Из числа членов Политбюро 1924 г. (Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий) все, кроме Сталина, позднее оказались «врагами» и по очереди были им уничтожены.

** Бухарин был выведен из состава Политбюро ЦК в ноябре 1929 г.

в Академии наук после избрания в ее состав группы академиков-коммунистов:

Считаю необходимым сообщить следующие соображения в связи с вопросом об Академии наук. Что показала сессия Академии наук, на которую мы все вскоре отправились? Она показала, 1) что сопротивление реформам будет гораздо меньше, чем мы думали; 2) что расположение сил в Академии более благоприятно, чем это рисовалось раньше; 3) что коммунистическая группа может фактически быть господином положения, не прибегая ни к какому внеакадемическому «нажиму»; 4) что работа по «осовечиванию» квалифицированнейших академических кадров возможна [9, л. 12].

Существуют предположения, что вопрос о создании ИИНиТ и назначении его директором Н. И. Бухарина был якобы предreshен Сталиным при рассмотрении дальнейшей перспективы работы Бухарина после вывода его из состава Политбюро — как одна из уступок его желаниям. Пока имеющиеся документы не подтверждают эту версию. Во-первых, когда в июне 1929 г. в Политбюро решался вопрос о работе Бухарина, Сталин настаивал на его назначении наркомом просвещения — должность, несоизмеримая с директорством в институте. По мнению О. В. Хлевнюка, специально изучавшего деятельность Политбюро в 30-е гг., предложение Сталина было почетной, но опасной для Бухарина политической ссылкой. Бухарину удалось добиться назначения на третьестепенный пост начальника научно-технического управления ВСНХ. В письме К. Е. Ворошилова к Г. К. Орджоникидзе от 8 июня 1929 г. упоминается, что «... Бухарин умолил всех не назначать его на наркомпрос и предложил, а затем настаивал на НТУ» [10, с. 23]. Во-вторых, положение Бухарина, в том числе и в самой Академии, было недостаточно прочным. В цитиrowанном выше его письме в Политбюро он пишет:

На собраниях историков-марксистов уже заявлялось: 1) что Бухарин и Рязанов* вошли в блок с буржуазными учеными; 2) что Бухарину нужен «фракционный центр», и для того он, Бухарин, выдвигает план экономического института и т.д. и т.п. Эти возмутительные вещи уже гуляют по Москве. Для успокоения товарищей и для того, чтобы деловой вопрос не осложнялся посторонними соображениями, я заявляю: 1. Что готов не выступать ни по одному организационному вопросу в Академии, ее комиссиях и других органах; 2. Что я готов отказаться от всякой работы в А.Н., предполагающей работу с молодежью; 3. Что я готов ограничиться исключительно чтением докладов и печатанием чисто теоретических статей. Тем самым будет снята почва для осложнения вопроса посторонними соображениями [9, л. 14].

К сожалению, отсутствие даты написания этого письма не позволяет точно определить, когда оно было направлено в Политбюро — до или после решения от 13 мая 1929 г., подготовленного Сталиным: «разрешить

* Б. Д. Рязанов — видный деятель Коммунистической академии, историк, социолог. В 1929 г. вместе с Бухариным, Дебориным и другими членами ВКП(б) избран в АН СССР по отделению гуманитарных наук. Расстрелян в 1938 г.

т. Бухарину иметь аспирантов при Академии наук в желаемом количестве» [8, с. 65]. Кстати, в материалах Политбюро, опубликованных В. Д. Есаковым, этот бухаринский документ не упоминается. Может быть, по каким-то соображениям Бухарин не передал его в Политбюро, а может быть, он был изъят позднее?

Однако в ряде решений Политбюро ЦК ВКП(б) использовались предложения Бухарина, содержащиеся в этом письме и других его записках, опубликованных В. Д. Есаковым [8, с. 57–68].

Против версии о предрешенности директорства Бухарина в ИИНИТ в 1929 г., говорит и тот факт, что в то время он еще не принял от В. И. Вернадского Комиссию по истории знаний и вряд ли был готов возглавить институт. Вопрос об экономическом институте, о котором упоминает Бухарин в своем письме, был бы в то время более уместен, но эта идея, приписываемая Бухарину, им самим опровергается.

Для характеристики той ситуации, в которой находился Бухарин, можно привести выдержки еще из одного документа — записи беседы бюро ячейки Института красной профессуры (ИКП) философии и естествознания с И. В. Сталиным «О положении на философском фронте», состоявшейся 9 декабря 1930 г.*:

У Энгельса не совсем все правильно ... есть местечко насчет вращающегося социализма. Это пытался использовать Бухарин. ... Разворошить надо основательно также Бухарина. Его надо крепко критиковать, ибо по истмату он очень здорово напутал. Критика по этим вопросам Бухарина, которая была в печати, неверна Все это надо основательно разворошить. ... Ваша главная задача теперь — развернуть всю критику. Бить — главная проблема. Бить по всем направлениям и там, где не били [11, л. 2–4].

* Запись беседы была сделана будущим академиком-философом М. Б. Митиным. В одном из фрагментов беседы содержится важное свидетельство Сталина, на наш взгляд, в какой-то мере помогающее понять природу его покровительства лысенковщины: «На вопрос “Каковы наши теоретические задачи в области естествознания?” т. Сталин отвечает: “Я не естественник. Правда, в молодости я много читал Ламарка, Вейсмана, увлекался неоламаркизмом. У Вейсмана очень много мистики, то, что у нас пишется по вопросам теоретического естествознания, имеет много виталистического. Материалы в “БСЭ” по этой линии — по меньшей мере сумбур”».

Н. И. Бухарин — глава советской делегации на Международном конгрессе по истории науки и техники. Лондон, июнь 1931 г.

Вероятно, удовлетворившись на тот момент удалением Н. И. Бухарина из Политбюро ЦК и сведя к минимуму его политическое влияние, Сталин еще не планировал полное уничтожение Бухарина. Его назначают членом Президиума ВСНХ, в 1934 г. он становится редактором газеты «Известия» — второго по значению после «Правды» печатного органа в стране. В 1935 г. по решению Политбюро ЦК он был избран членом президиума АН СССР* [12, л. 64, 65].

Несмотря на высказанное в письме в Политбюро нежелание принимать участие в решении организационных проблем Академии, Бухарин активно участвует в перестройке ее работы, в решении многих текущих вопросов, его постоянно привлекают к их подготовке для Политбюро ЦК. По инициативе Бухарина Политбюро принимает постановление о посылке делегации ученых СССР в Лондон в июне 1931 г. на Международный конгресс по истории науки и техники [8, с. 106–109]. Он возглавляет делегацию, выступает на конгрессе с докладом. После возвращения из Лондона Бухарин обращается в Политбюро с запиской, в которой дает оценку участию советской делегации в работах конгресса и высказывает ряд предложений. В частности, ссылаясь на «одного из ученых в Англии», он предлагает «учредить международную премию, подобно Нобелевской, с несколько более высокой ставкой в валюте» для привлечения внимания к советской науке, поддержки ее авторитета и притока лучших ученых мира в СССР**. В этой же записке он предлагает дать директиву органам печати о прекращении кампании против Эйнштейна, развязанной в связи с его подписью под протестом о расстреле в СССР 48 репрессированных «оппозиционеров» [9, л. 11 об.]. Правда, когда в 1936–1937 гг. против Бухарина была развернута мощная пропагандистская кампания, его лондонский доклад был объявлен антиленинским***.

* Правда, для Сталина это не имело никакого значения. Документы говорят о сотнях примеров, когда только что с его санкции назначенные или награжденные подвергались, тоже с его санкции, политическим преследованиям и репрессиям.

** Есть основания предполагать, что идея принадлежит самому Бухарину и ссылка на анонимного английского ученого — тактический ход.

*** Вот что писал Бухарин по этому поводу в письме Сталину:

«Дорогой тов. Сталин! В связи с сегодня помещенной в Правде похоронной рецензией на журнал «Соц. реконструкция и наука», который я 5 лет тому назад организовал по спец. постановлению ЦК ВКП(б), я должен сообщить: Нападение на мою 5 лет назад помещенную статью не может не произвести на ряд людей чрезвычайно вредного политического впечатления. Статья представляла доклад на Лондонском съезде по истории науки и техники. Она предварительно обсуждалась в ЦК, в специальной комиссии, состоявшей из т.т. Стецкого, Бубнова, Милюткина и меня. Все до единой поправки, которые были предложены, я принял. После этого доклад был прочитан, как и все доклады, от имени нашей делегации, был отпечатан в Лондоне по-английски. Ученые, ездившие в Лондон, знали, что доклад, ввиду его важности, обсуждался в ЦК, что он одобрен и т.д. Что же они должны думать теперь, когда через 5 лет он на страницах органа ЦК объявляется антиленинским? Ведь этим компрометируется не только моя (уже убитая) личность, а органы ЦК. «У большевиков все одна конъюнктура и никакой науки, хотя они и говорят об объективной науке» — вот вывод, который, можно опасаться, будут — хотя бы внутренне — делать. Хорошо ли это? Разумно ли это? О других сторонах дела не буду говорить, чтобы не затруднять мелочами. Я более подробно написал Серго (Орджоникидзе. — Ю. К.), т.к. был ему ведомственно по журналу подначален.

Преданный тебе Н. Бухарин /п.п./»

В феврале–апреле 1936 г. Бухарин был в командировке во Франции. 3 апреля в Париже он выступал в Ассоциации по изучению советской культуры с докладом «Основные проблемы современной культуры». Позднее в оправдательной записке в Политбюро от 27 августа 1937 г., отмежевываясь от обвинений в связях с троцкистами, он так описывает события во время своей командировки:

Вы, вероятно, знаете, что на моем докладе в Париже не кто иной, как троцкисты произвели враждебную демонстрацию и были выведены нашими боевиками (! — Ю. К.). Вы, быть может, знаете и о том, что парижские троцкисты готовили сделать мне и более крупные неприятности и что наша агентура просила меня поэтому во что бы то ни стало переехать из отеля в полпредство, что даже французская полиция выставила для моей охраны наряды полисменов, ибо ждали нападения на мою личность <...> [9, л. 123].

Существует версия, что Сталин, направляя Бухарина за границу, давал ему возможность спастись, отказавшись вернуться в СССР (см. [14, с. 177–178]). Возможно, для Сталина это было бы выгодно — прямое доказательство измены Бухарина. Для Бухарина, даже если бы он в то время хотя бы приблизительно мог предположить свою дальнейшую судьбу, невозвращение было, вероятно, неприемлемо. И по политическим мотивам, и по личным: он знал, какая участь постигла бы его близких. Правда, и так их не миновали тяжелейшие испытания. О том, что Бухарин не думал остаться за рубежом, свидетельствует его фраза из другого письма Сталину — от 16 января 1937 г. «Дорогой Коба, <...> пошлите на настоящую драку, пошлите в Испанию <...> не думаю, чтобы серьезно сказал: “а не убежишь?”» [13, л. 114]. Сталин, несомненно, знал, что Бухарин не сможет остаться за границей.

По другой версии, занимаясь в Париже по заданию Сталина вопросами покупки архива Маркса и Энгельса*, он встречался с Б. И. Николаевским**, имевшим отношение к спасению архива Маркса после прихода Гитлера к власти в Германии.

В январе 1937 г. в Париже было опубликовано «Письмо старого большевика», приписываемое Николаевскому или действительно написанное им, в котором рассказывалось об оппозиции режиму в СССР, приводились подробности убийства Кирова, критиковалась политика партии в деревне и т. п. Бухарин был обвинен в причастности и даже в авторстве этой публикации, что послужило поводом к исключению его из партии и последующему аресту [14, с. 359].

Дискуссионным является вопрос о роли Бухарина как директора в работе института. Естественно, находясь в Москве, занимая крупный пост

* Архив принадлежал немецкой социал-демократии и был вывезен из Германии. В связи с угрозой войны было решено продать архив Советскому Союзу для обеспечения его надежного хранения. Для покупки архива в Европу была направлена комиссия в составе Н. И. Бухарина, В. В. Адоратского и А. Я. Аросьева [14, с. 38, 360].

** Б. И. Николаевский (1887–1966) — революционер, историк, член ЦК РСДРП с 1917 г. В 1922 году арестован и выслан из России. Жил в Европе и США [14, с. 358].

в ВСНХ, а затем в Наркомтяжпроме, Бухарин не мог уделять много внимания институту, располагавшемуся в Ленинграде. Положение осложнилось с его назначением редактором «Известий». В одном из писем, о котором будет сказано ниже, Бухарин писал: «Я (до своего редакторства в “Известиях”) принимал активное участие в жизни Академии, но менее всего организационное...». Несомненно, в начальный период организации института он уделял ему больше внимания. Например, в «Отчете о деятельности Академии наук СССР за 1932 г.» указывалось, что была начата работа над большим коллективным трудом по истории техники всех времен и народов.

Вся подготовительная работа, состоящая в подборе соответствующего, весьма значительного коллектива научных работников, в проработке основ издания и составлении его плана, потребовавших ряда широких заседаний и совещаний, наконец, в обеспечении издательской базы, ведется под непосредственным руководством академика Бухарина и должна быть закончена в течение четырех лет [15, с. 494].

Бухариным было написано предисловие к первому тому «Истории техники», вышедшему в 1936 г. в «Трудах» института. Письма Бухарина 1936 г. говорят о его хорошем знании институтских кадров и положения в институте до принятия решения о переводе в Москву. О его заботе об интересах института свидетельствует, например, письмо народному комиссару просвещения А. С. Бубнову, датированное 10 декабря без указания года (предположительно 1934 или 1935 г.). В нем Бухарин, узнавший о преобразовании Ленинградского института книговедения и переводе его фондов в Москву, настаивал на том, чтобы оставить часть нужных для работы института документов в Ленинграде. Он, в частности, писал:

Для возглавляемого мною Институтом по Истории Науки и Техники Академии Наук СССР, постоянное обращение за справками и материалами в Венгеровское собрание есть дело необходимое. Поэтому увод его в Москву является тормозом для многих начатых работ Института по Истории Науки и Техники. Делить же Венгеровское собрание на части невозможно, так как многие ученые бывают и литераторами и обратно.

Поэтому Институт по Истории Науки и Техники и я лично горячо присоединяемся к тем, кто ходатайствует перед Вами об оставлении Венгеровского собрания в Ленинграде и о передаче его в Академию Наук СССР [16, л. 37].

В другом письме на имя секретарей ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича и А. А. Андреева (копия была отправлена В. М. Молотову) Бухарин отстаивает научный авторитет института, организовавшего подготовку сборника, посвященного памяти Ленина, — он упоминает его в перечне трудов ИИНИТ (Приложение 3). Из письма можно сделать вывод об уровне контроля и цензуры при подготовке в то время таких работ: сборник редактировала комиссия, выбранная партгруппой Академии наук; его рассылали членам Политбюро ЦК ВКП(б); его рассматривали (в гранках, до печатания) в Культпропе ЦК, и только после этого он был одобрен и разрешен к изданию.

В отношении же «идейных» противоречий между Комакадемией и институтами АН СССР характерна заключительная часть письма:

Мы выпустили также толстый сборник, посвященный Ильичу, сплотили вокруг этого дела и беспартийных ученых, потратили много труда, заручились одобрением ЦК. А теперь за этот же том нас хотят предать анафеме! Если это случится, то мне и ряду других товарищей нельзя будет работать в Академии Наук, ибо все беспартийные будут просто бояться принимать участие в любом предприятии, к коему я имею касательство... [13, л. 2–3].

Заместитель директора института А. М. Деборин (1881–1963)

Абрам Моисеевич Деборин (Иоффе), как и Н. И. Бухарин, входил в первую группу академиков-коммунистов, избранных в АН в 1929 г. Рабочий-металлист, он рано увлекся революционными идеями, с конца 1890-х гг. — член РСДРП. Сначала (1903 г.) примыкал к большевикам, в 1907–1917 гг. — меньшевик. В 1908 г. окончил философский факультет Бернского университета. С 1920 г. занимался научной и преподавательской деятельностью. Работал в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова, Институте Маркса-Энгельса, Институте красной профессуры философии, его директор в 1924–1931 гг. Один из видных философских авторитетов 20-х гг.*. А. М. Деборин был членом редколлегии, а с 1926 г. ответственным редактором главного философского журнала того периода — «Под знаменем марксизма». В 1930 г. был обвинен в «меньшевистствующем идеализме», снят с поста редактора журнала и директора ИКП философии [14].

А. М. Деборин

На упоминавшейся встрече с молодыми учеными-марксистами Сталин дает такую характеристику Деборину:

Деборин, по-моему, безнадёжный человек. Однако в редакции** надо оставить для того, чтобы было кого бить [11, л. 6].

* В своей записке по поводу результатов выборов в АН СССР в 1929 г., когда Деборин не был избран с первого раза, видный в то время государственный и партийный деятель, член Коммунистической академии Ю. М. Ларин, так характеризовал ситуацию и Деборина: «...среди проваленных находится, например, крупнейший в настоящее время во всем мире авторитет по философии материализма тов. Деборин» [8, оп. 2, д. 1, л. 166].

** Имеется в виду редакция журнала «Под знаменем марксизма», которую Деборин возглавлял до этого времени.

Следует отметить, что во второй половине 20-х гг. у Бухарина и Деборина были существенные разногласия по ряду теоретико-философских вопросов. Политические преследования, угроза исключения из партии привели Деборина к морально-психологическому кризису, и он хотел покончить жизнь самоубийством. В одном из писем 1937 года, пытаясь оправдаться перед Сталиным, Бухарин, перечисляя свои важные заслуги и связи с выдающимися учеными (И. Павлов, Н. Бор), упоминает о том, что спас жизнь Деборину, разыскав его с помощью Московского уголовного розыска, полумертвого, замерзавшего в снегу [13, л. 111]. В архивном фонде Бухарина сохранилась машинописная копия записки, написанной Дебориным перед попыткой самоубийства:

Я обесславлен, растоптан, уничтожен. Жизнь для меня потеряла всякий смысл. Добровольный уход — лучший выход из создавшегося положения. Подписать документ о моем антимарксизме и меньшевистствующем идеализме я не в силах. С меньшевизмом я в сущности порвал еще в октябре 1917 г. Предстоящее позорное исключение из партии — перенести это я не в состоянии. Дорогая Нюсенька, я тебя заклинаю остаться жить. Я знаю, как тебе будет бесконечно тяжело, но это необходимо, хотя бы ради Гани. Прошу всех пощадить моих детей, дать им возможность стать хорошими партийцами и полезными работниками. Целую бесконечно горячо тебя, Нюсенька, и детей. Прощайте и не осуждайте меня.

Тебя, Гриша, прошу заботиться о мамочке, Гане, быть для них старшим помощником и любящим сыном и братом. Веру и Ирочку целуйте за меня. Она чувствовала, как тяжело было дедушке. Веру прошу любить мамочку и Ганю.

20. 1*. А. Деборин [17, л. 38].

А. М. Деборин выжил, но был уже человеком морально сломленным, готовым к выполнению всяких поручений по разоблачению «врагов народа» и к собственному покаянию. В 1935 г. ему было оказано «высокое доверие»: по решению ЦК ВКП(б) он был избран секретарем Отделения общественных наук**. Как Деборин был вынужден оправдывать «доверие», оказанное партией, свидетельствуют некоторые документы. В архивном фонде Молотова сохранилось большое письмо академика Н. С. Державина, он писал:

Председателю Совета Народных комиссаров СССР тов. В. М. Молотову. Дорогой Вячеслав Михайлович. ... Умоляю Вас, спасите меня. Я гибну жертвою неприличной, бессовестной, гнусной, не стесняющейся в средствах травли академика Деборина ... [18, л. 38–40].

А Деборин просто добросовестно выполнял поручение партийной группы академиков АН, в протоколе заседания которой от 22 октября 1937 г. ему поручалось «решительно раскритиковать работу акад. Державина». В этом же протоколе Деборину было предложено «срочно довести до кон-

* Вероятно, 1931 или 1932 г.

** Так называлась в то время должность руководителя Отделения, которая позже стала называться «академик-секретарь».

ца разоблачение Бенешевича* и поставить вопрос об исключении его из состава членов-корреспондентов АН» [19, л. 71, 72]. А годом ранее партийная группа академиков на своем заседании 22 октября 1936 г. слушала самого Деборина и постановила:

Присоединиться к оценке философских ошибок т. Деборина, данной в передовой статье журнала «Под знаменем марксизма» №8. (Вспомним указание Сталина: «чтобы было кого бить!» — Ю. К.). Считать, что в своем письме т. Деборин не дал достаточно полной и ясной политической оценки своей роли как главы меньшевистствующих идеалистов (! — Ю. К.) и преуменьшил свою ответственность за прием в Академию наук людей, оказавшихся злейшими врагами партии».

Повторение обвинений 1930 г. уже не вызвало у Деборина такой бурной реакции, как тогда, он больше не пытался кончать жизнь самоубийством, смирился и принял правила игры, навязанные режимом. В цитируемом постановлении партийной группы принималось к сведению «заявление т. Деборина, что он согласен с критикой товарищей и выступит в печати, учтя состоявшийся обмен мнений». Более того, в постановлении отмечалось, «что т. Деборин на деле доказал свою готовность помочь партии в разоблачении врагов ее», и ему указывалось, «что главное сейчас не только в правильной оценке своих прошлых ошибок — главное в практической работе» [19, л. 26]. В той обстановке, когда из 10 человек, принимавших участие в разборе «дела» Деборина на партгруппе АН, пятеро были через год-полтора репрессированы, сам он выжил. Вероятно, решение Сталина «оставить, чтобы бить» сыграло ему на пользу.

Как из нашего «далека» видится поведение Деборина? Основываясь на собственном горьком опыте, он не мог не понимать всю вздорность обвинений в умышленном вредительстве, во враждебной деятельности Державина, а тем более Бенешевича, да и многих других. Однако в условиях тоталитарного режима ученые в той или иной мере вынуждены были идти на неизбежный компромисс с властью. Цена этого компромисса была для каждого своя. И чем ближе к власти был человек, тем выше была цена компромисса. Особенно это касалось гуманитарных наук, и в первую очередь философии и истории. У Деборина после случившейся с ним в начале тридцатых трагедии был только один выход — беззаветное служение режиму. Правда, и это не давало никаких гарантий, о чем говорит судьба Горбунова и ряда первых академиков-коммунистов. И Бухарин был сломлен и пошел на невиданные унижения и самооговор, пытаясь спасти близких. Он до конца, вероятно, верил в то, что «дорогой Коба»** не решится расправиться со своим старым другом и другом семьи. Однако восторжествовала «политическая целесообразность» в сталинском понимании, и Бухарин был расстрелян.

* Член-корреспондент АН с 1924 г. В. Н. Бенешевич, историк-византиновед, был репрессирован в 1938 г., реабилитирован посмертно.

** Так начинались некоторые письма Бухарина 1936–1937 гг. к Сталину, сохранившиеся в его архивном фонде.

Ответственность сталинского режима за физическую и (или) моральную гибель людей его ближайшие сподвижники пытались, уже после разоблачений «культа личности», оправдать угрозой «пятой колонны». По мнению Молотова, массовые репрессии были «профилактической чисткой без определенных границ». «Сталин, по-моему, вел очень правильную линию: пускай лишняя голова слетит, но не будет колебаний во время войны и после войны» [10, с.197]. К какой трагедии для страны в целом и для науки в частности эта политика привела в дальнейшем, хорошо известно. И задача исследователя того трагического периода не осуждать или оправдывать, а попытаться понять, как в тех условиях настоящие ученые могли производить новое знание, умели сохранять моральные принципы, присущие научному сообществу. Разумеется, «вождей» и созданный ими режим оправдать нельзя — история уже вынесла им приговор. И примеры расстрелянного в 1938 г. директора ИИНИТ академика Н. И. Бухарина и дожившего до 82 лет и умершего своей смертью в 1963 г. заместителя директора ИИНИТ академика А. М. Деборина, до конца дней своих, вероятно, несшего в памяти груз морального падения и страха, дают дополнительный материал для понимания этого времени в жизни страны.

Роль А. М. Деборина в руководстве институтом, как и характер взаимоотношений директора и его заместителя, требуют специального изучения. В имеющихся новых документах, кроме упоминаний Бухарина об участии Деборина в решении некоторых кадровых вопросов, о его влиянии на научную деятельность ИИНИТ свидетельств мало. Однако известно, что он редактировал работы института и, несомненно, не мог не быть бдительным идеологическим цензором. Надо иметь в виду, что и для Деборина в отдельные периоды Москва была основным местом работы, и в Ленинграде он тоже часто бывал лишь наездами. Да и назначение его на должность заместителя к Бухарину вызывает много вопросов. Несомненно, это назначение было санкционировано Сталиным. Возможно, уже сломленный к моменту назначения Деборин устраивал Сталина при «недобитом» Бухарине. Сам Бухарин в черновике письма Сталину (без даты, предположительно конец 1936–начало 1937 г.) так отзывался о Деборине, обосновывая свое стремление использовать его на работе в «Известиях», когда, став редактором газеты,

старался <...> привлечь по возможности больше талантливых людей ... : Деборина я хорошо знал по работе*, знал, что он всего на свете боится** <...>, но большой эрудит, человек огромных знаний, никак не оппозиционный [13, л. 101].

* Вероятно, имеется в виду совместная работа в ИИНИТ и в Академии наук.

** Цитируемое письмо — факсимильная рукопись, слова «всего на свете боится» зачеркнуты. Было ли это письмо отправлено Сталину, неясно.

Институт истории науки и техники в письмах Бухарина. 1936 год

События 1936 года для ИИНиТ совпали с еще одним важным изменением в научной жизни страны — ликвидацией Коммунистической академии и передачей институтов, входивших в ее состав, в Академию наук СССР.

Решение о ликвидации Коммунистической академии было принято Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР 7 февраля 1936 г. [8, с. 216–219]. В приложении к постановлению, названному «О порядке проведения ликвидации Коммунистической академии», в одном из пунктов указывалось: «Комиссия по истории техники Комакадемии включается в состав Института истории науки и техники АН». Ранее, при подготовке этого решения Политбюро, специально созданная Комиссия ЦК ВКП(б) во главе с секретарем ЦК А. А. Андреевым поручала Отделу науки ЦК при объединении Комиссии по истории техники с ИИНиТ решить, «какие работники передаются». Интересна запись в этом документе Комиссии ЦК: «Вопрос о руководстве решить особо» [20, л. 2]. Из текстов этого документа и других предварительных материалов Комиссии неясно, о каком руководстве идет речь — передаваемого в состав ИИНиТ подразделения по истории техники или самого института. Из документов не видно также, привлекался ли директор ИИНиТ Бухарин к решению вопроса, в том числе о кадрах института, или узнал о нем из постановления о ликвидации Комакадемии уже после возвращения из Франции.

Весной 1936 г. начались массовые аресты сотрудников ленинградских институтов Академии наук. Вероятно, длительная зарубежная поездка, сложность политической ситуации, складывавшейся вокруг Бухарина в связи с готовившимися судебными процессами по делу «троцкистско-зиновьевского объединенного центра», не оставили ему возможности сразу заняться делами института. Только к концу мая, судя по его письму на имя вице-президента АН Г. М. Кржижановского и неперменного секретаря АН Н. П. Горбунова от 1.VI.1936 г. (см. Приложение 1), Бухарин узнал о положении в институте. Правда, в письме он упоминает, что после возвращения встречался и с Кржижановским, и с Горбуновым, но те не поставили его в известность о решениях по институту и о положении в нем. Характеризуя институт, Бухарин писал, что он

был одним из лучших институтов в Академии наук; что его научная продукция была на высоком количественном и качественном уровне, что в нем были очень ценные работники и что его издания были признаны и за границей.

Едва ли, протестуя в письме против того, что без него «фактически распустили и прикрыли институт», Бухарин не понимал, что Кржижановский и Горбунов не могли так действовать без указания свыше. Вероятно, будучи еще ответственным редактором «Известий», членом Президиума АН, выполнявшим недавнее непростое заграничное поручение Сталина, Бухарин, надеясь на свои личные отношения, избрал определенную тактику поведения — подчеркивая «самоуправство» Кржижановского и Горбунова

Н. П. Горбунов

Г. М. Кржижановский

и апеллируя к Сталину и Молотову. Это давало ему возможность обращаться со своими материалами непосредственно к ним, доводить свою аргументацию прямо, а не через посредников. (Правда, копии его писем Кржижановский и Горбунов немедленно пересылали Сталину и Молотову.*)

Бухарин связывает атаку на институт с арестом Гарбера, бывшего в то время ученым секретарем, и Урановского, назначенного в институт временно в отсутствие Бухарина. «Но институт не состоял из одного Х. И. Гарбера и Я. М. Урановского. Вы институт закрыли, Вы уволили, вопреки закону, всех до единого сотрудников. Вы прекратили все издания института», — пишет он. Письмо свидетельствует об имевших место и ранее разногласиях с московскими историками техники, возможно, входившими в Комиссию по истории техники Коммунистической академии, которая теперь формально вошла в ИИНиТ. Именно это обстоятельство, т.е. наличие базы в Москве и аресты в Ленинграде обусловили, видимо, самое простое решение — о переводе института. Но, как следует из документов, фактически никакого перевода не было: весь ленинградский состав сотрудников был либо арестован, либо разогнан. В Москву «переехало» только название, вокруг которого еще два года шли бесплодные дискуссии.

Заканчивая письмо, Бухарин заявляет, что не несет никакой ответственности за «действия» по разгрому института, протестует «против методов самоуправства, передачи наследства в руки товарищей, опрокидывающих политику в прошлое под видом науки», имея в виду московских историков техники, возглавляемых А. А. Зворыкиным.

* Благодаря этому часть документов партийной группы АН и удалось обнаружить в фонде Молотова, так как весь архив партийной группы пока еще не найден.

На копии бухаринского письма, направленной Горбуновым Молотову, имеются его характерные подчеркивания синим карандашом ряда фраз и абзацев (см. Приложение 1) [19, л. 6–6 об.].

В 1930-е гг. основные решения президиума АН фактически принимались партийной группой. Уже 8 июня партгруппа Академии наук принимает совершенно секретное постановление по докладу Горбунова о положении дел в Ленинграде и по письму Бухарина, копии которого направляются Сталину и Молотову. Из вопросов, имеющих отношение к ИИНИТ, отмечалось:

Ряд работников Академии наук СССР, занимавших в последние годы руководящие должности в Академии наук в Ленинграде, людей с партийными билетами, оказался участниками контрреволюционной троцкистской организации, которая в течение длительного времени хозяйничала раньше во всей Академии наук, а после ее переезда в Москву в ее ленинградских учреждениях (в особенности в институтах: Истории науки и техники, Этнографии и Антропологии, литературы, востоковедения и ленинградской аспирантуре). Этот факт свидетельствует об отсутствии революционной бдительности, о слабости руководства и незнании людей со стороны Партийной группы.

Одобрив организационные мероприятия, «как намеченные, так и проведенные уже т.т. Кржижановским, Горбуновым и Зубовым по ленинградским учреждениям <...>, как в отношении отдельных сотрудников, так и в отношении аспирантуры», партийная группа одобрила также

немедленный перевод Института истории науки и техники из Ленинграда в Москву*, с оставлением на договорных началах, из состава ленинградских сотрудников института, только наиболее ценных специалистов в количестве 5–6 человек.

В пункте 3 постановления указывается:

Решительно осудить письмо т. Бухарина на имя т.т. Кржижановского и Горбунова, как политически ошибочное и вредное и одобрить ответ т. Горбунова на это письмо. Письмо т. Бухарина и ответ на него довести до сведения ЦК ВКП(б) и т. Молотова [19, л. 2, 3].

А еще через два дня, 10 июня, Горбунов направляет письмо Бухарину — директору Института истории науки и техники (см. Приложение 2). В этом письме он упрекает Бухарина в отрыве от жизни Академии наук и не соглашается с тем, что институт «был одним из лучших институтов АН». Характерной чертой этой переписки являлось стремление переложить ответственность за происходящее на оппонента. Горбунов пишет:

Руководство института и комплектование его кадров фактически находилось в руках контр-революционной группы Гарбера (быв. троцкист, которого Вы пригласили из Баку), Урановского и близко связанного с ними быв. эсера Васильева. До них у фактического руководства стояли Роках, осенью иск-

* Фраза подчеркнута Молотовым.

люченный из партии за проведение троцкистской линии, и Тымьянская (была связана с Л. Б. Каменевым). После ареста Гарбера и Урановского фактически никакого непосредственного руководства в институте не осталось...

Давая характеристику основным сотрудникам института, Горбунов концентрирует внимание на их политической неблагонадежности: Гарбер, Урановский и Васильев, как принадлежащие «к троцкистской организации», арестованы, Гуковский — «лицо в высшей степени сомнительное и несоветски настроенное», Выгодский — «несколько раз исключался из партии». Только «Лурье, Соломон Яковлевич, являющийся крупным специалистом по античности, может быть, по мнению Вашего заместителя тов. Деборина, оставлен в Институте»*. Не соглашаясь с мнением Бухарина о прекращении изданий работ института, Горбунов утверждает, что, наоборот, некоторые ленинградские штатные сотрудники переводятся на договор для продолжения изданий, хотя список их и подлежит пересмотру. Одновременно он отмечает, что основная работа института проводилась не штатными сотрудниками, а на основе договоров с разнообразным кругом лиц, договора заключались бесконтрольно, и они пересматриваются. О характере взаимоотношений руководства Академии с Бухариным можно судить по следующему высказыванию Горбунова:

Получив Ваше письмо, мы попросили т. Деборина еще раз тщательно пересмотреть весь состав работников института и выделить тех, которых он считал бы необходимым сохранить для работы в Институте после перевода его в Москву.

Почему этот вопрос решался не с директором, а с его заместителем? Ведь в своем письме Бухарин протестовал именно против того, что решения по институту принимались без его участия. В данном случае, по заключению Деборина, из 25 научных работников оставить на договорных началах можно было 7 человек — «и то только после тщательной проверки». О переводе института из Ленинграда, как утверждал Горбунов, вопрос был поставлен самим Дебориным, и необходимость этого объяснялась тем, что и директор, и его заместитель находились в Москве. Если это действительно было так, то возникают вопросы о контактах в этот период Бухарина и Деборина. Почему последний не информировал директора, а если информировал, то почему в письмах Бухарина об этом нет упоминаний?

Вывод Горбунова — «фактически институт был гнездом и одним из главных опорных пунктов контрреволюционеров и троцкистов в АН» [19, л. 7]. Через несколько дней, 14 июня, Бухарин направляет большое резкое письмо Кржижановскому и Горбунову по поводу его ответа на первое письмо Бухарина. Копию письма он направляет Сталину и Молотову (см. Приложение 3). В препроводительной записке на имя Молотова, написанной на бланке ответственного редактора «Известий», он писал: «Дорогой Вячеслав Михайлович! Посылаю копию своего ответа т.т. Кржижановскому и

* Более подробные характеристики сотрудников ИИНИТ его начального периода приводит В. С. Кирсанов в упоминавшейся работе [4].

Горбунову. В приложении — список трудов Института. Твой Н. Бухарин. 14/VI-36». На записке имеется резолюция Молотова — «т. Чубарю. Для свед.» и роспись Чубаря — «Читал». В начале письма Бухарин в эмоциональной форме протестует против фактического отстранения от участия в принятии решений по институту, «полного игнорирования моего существования». Он пишет:

Вы не имели никакого права обходить меня, за моей спиной действовать. Я вам не мертвый и не пешка. Я не знаю в истории наших учреждений аналогичных случаев полного игнорирования товарища, возглавляющего данное учреждение. <...> Почему вы не создали партчасть президиума и даже не известили меня как члена президиума и директора Института о намечаемых вами решениях? Какое вы имели право заранее исключать меня отсюда? Это не верх самоуправства?

Верил ли сам Бухарин, что все эти действия — «самоуправство»? На что он рассчитывал, направляя копии письма Сталину и Молотову?

Разбирая положение с кадрами в институте и полемизируя с Горбуновым, Бухарин пишет, что Урановский был назначен в его отсутствие, а Гарбера он не успел снять, хотя специально ездил в Ленинград и подготовил приказ о назначении на его место Рыбакова. Причем уточняет, что не знал о «двурушничестве» Гарбера, который, как следует из характеристики его отношений с сотрудниками, не устраивал Бухарина из-за своей «ультра-ортодоксальности и ультра-партийности», «сомнительности и непорядочности». В этих условиях Бухарин пытается защитить некоторых своих сотрудников, попавших в опалу. Он пишет:

«Быв.эсер Васильев» — был членом партии, известным физиком-коммунистом <...> в Институте никакими кадрами не руководил.

Роках давным-давно в Институте не работает. Исключен из партии вообще не «за проведение троцкистской линии», как вы пишете. Его фактически исключил Гарбер, организовав против него настоящий политический поход <...> О Рокахе (о его исключении из партии) дело следовало бы поэтому дополнительно пересмотреть. <...> Непонятно, откуда вы взяли, что Гуковский (до Гарбера несколько лет бывший ученым секретарем института, очень образованный и знающий инженер, социолог, большой полиглот) «в высшей степени сомнительный и несоветски(!) настроенный». Эти слухи в первую очередь распространял Гарбер, чтобы выжить его из Института. Гуковский — родной племянник бывшего нашего Наркомфина Гуковского, никогда никто не замечал, чтобы он был антисоветским.

Характерной для этого сложного времени является судьба еще одного сотрудника института — Выгодского, о котором Бухарин пишет:

Выгодский несколько раз исключался и несколько раз восстанавливался*. Верно. Но поинтересовались вы узнать почему? Известно вам его научное лицо? Так вот, Выгодский — единственный марксист — блестящий знаток истории математики. Исключался он потому, что за ним тащится одна и та же история: он работал в деникинском Осваге как агент больше-

* Из членов ВКП(б).

вистской подпольной организации. Каждый раз ему говорят об Осваге, и каждый раз ему приходится доказывать, что он выполнял труднейшее поручение партии.

Не соглашается Бухарин и с тем, что руководство Института было «в руках Гарбера». Он утверждает, что его заменял Деборин.

Что касается общих вопросов (я, связанный ночной работой в газете, почти не мог ездить в Ленинград), то вся основная линия и все более или менее крупные вопросы решались мною и т. Дебориным.

Протестуя против вывода Горбунова о том, что институт был одним «из главных гнезд и опорным пунктом», Бухарин упоминает о других арестах, в частности руководства парторганизации ленинградских учреждений Академии наук.

Возвращаясь к болезненному для него вопросу об отстранении от участия в решении судьбы института, Бухарин пишет:

Но я продолжаю утверждать, что Институт был одним из лучших по своей научной работе, вопреки затесавшимся в него контр-рев. двурушникам: стоит только посмотреть его издания, т.е. его научную продукцию. Об этой стороне дела вы вообще не считаете нужным думать.

Особенно остро Бухарин реагирует на поручение Зворыкину решать основные вопросы дальнейшей судьбы института и не соглашается с Горбуновым, что тому-де поручены чисто технические вопросы.

Цитируя по копии распоряжения Горбунова состав Комиссии (Зворыкин, Радулов, Жидловский), он заключает — «одна группа!» По этому распоряжению Комиссии поручалось к 1 июня закончить пересмотр работ института, как сданных в печать, так и уже печатающихся, с целью установления целесообразности издания и продолжения этих работ, а к 20 июня представить на утверждение Президиума Академии наук план работы, смету и штаты института. Безусловно, такие действия неопровержимого секретаря Академии наук Горбунова были возможны, если вопрос о судьбе и директорстве Бухарина уже был предreshен*. Косвенно об этом свидетельствует записка заведомо науки, научно-технических изобретений и открытий ЦК ВКП(б) К. Я. Баумана на имя секретарей ЦК Сталина, Андреева и Жданова, подготовленная в начале 1936 г. В ней отмечалось, что

аресты значительной группы среди научных работников, произведенные органами НКВД (по отделению общественных наук в Москве и Ленинграде около 60 чел.**), вскрыли исключительную засоренность враждебными элементами научных кадров <...> В общественных институтах Академии наук СССР (Институт истории и [Институт] истории науки и техники)

* Из семи академиков — членов партии, избранных в 1929 г., были репрессированы в 1937–1938 гг. Н. И. Бухарин, Д. Б. Рязанов, Н. Н. Лукин. Неизвестно, какая судьба постигла бы В. М. Фриче, умершего в 1929 г. И безусловно был бы репрессирован подвергшийся в 30-х гг. уничтожающей критике М. Н. Покровский, если бы не умер в 1932 г. В живых из «первого коммунистического призыва» остались только Деборин и Кржижановский.

** В дальнейшем, в 1937–1938 гг., это число существенно возросло.

Бухарин и Волгин в течение 1932–1935 гг. фактически бесконтрольно насаждали своих людей.

Бауман писал, что враги партии, орудовавшие на научном фронте, захватили в свои руки ряд участков, занимали руководящие должности*.

Бухарин не может смириться и поверить в то, что Горбунов действует не самостоятельно, а по указанию высшего руководства.

Если директор Института, — пишет Бухарин, — устраняется от изданий, их плана, плана всей работы, смет, штатов, ets, то что же за ним остается? Повторяю: что вы меня за мертвого считаете? и имеете смелость осуждать за то, что я протестую против таких приемов?

Из письма Бухарина приоткрывается картина случившегося в Ленинграде при принятии решения о переводе института в Москву. Испуганные многочисленными арестами в ленинградских институтах, которые коснулись в основном членов партии, руководители партгруппы Академии предпринимают срочные и не очень согласованные действия.

Командированный в Ленинград Горбунов собирает 23 мая общее собрание сотрудников ИИНиТ и объявляет приказ о ликвидации института, увольнении всех сотрудников с выплатой двухнедельного пособия и об организации ликвидационной комиссии. Затем, 25 мая, вносится уточнение — в вывешенном в институте распоряжении увольнение сотрудников переносится на 7 июня. А уже на следующий день принимается решение не о закрытии института, а о переводе его в Москву. При этом Горбунов разъяснил, что никто из сотрудников в штат зачислен не будет. Как уже отмечалось, вероятно, на этот шаг руководство Академии наук и стоявшие за ним партийные органы пошли, стремясь использовать находившуюся в Москве новую ячейку института — Комиссию по истории техники расформированной в начале того года Коммунистической академии.

Заканчивая свое письмо, Бухарин пишет:

Смешно перед лицом фактов, раскрытых в Академии наук, дискутировать о необходимости обследования ее штатов и чистки всего еще не очищенного. Это аксиома. В этом отношении и наш Институт, как одно из учреждений Академии, в котором оказались к-ры** двурушники, подлежит жесткой проверке и чистке. Я не снимаю с себя ответственности за то, что не разгадал двурушничества Гарбера и других. Но то, против чего я протестовал, лежит совершенно в другой плоскости: я протестовал и протестую против полного игнорирования меня как директора И-та и члена президиума в обосновании и принятии коренных мер по очистке Академии, в чем я заинтересован отнюдь не менее вас. Все это вынудило меня обратиться непосредственно к высшим партинстанциям <...> [12, л. 12–19].

К письму Бухарин приложил список научных работ. В 1933–1936 гг. было опубликовано 8 выпусков «Архива истории науки и техники» общим объемом 237 печатных листов, подготовлено и передано в печать еще два

* В 1938 г. К. Я. Бауман сам будет объявлен врагом партии и народа и расстрелян.

** Контрреволюционеры.

тома, и еще над двумя велась работа. За это же время было опубликовано и подготовлено к печати 20 монографий и сборников [12, л. 20–21].

Письма Бухарина не возымели никакого действия. Более того, по мере раскручивания молоха репрессий над многими учеными Академии и над самим Бухариным сгущались тучи. На процессе, сфабрикованном по сценарию Сталина над Каменевым и Зиновьевым, прозвучали обвинения в адрес Бухарина. В его архивном фонде сохранилась факсимильная рукопись его письма от 27 августа:

Всем членам Политбюро ЦК ВКП(б), копия тов. Вышинскому*

Будучи в горах в Средней Азии, я не имел никакого представления о процессе. Никакого вызова из Москвы — ни от ЦК, ни от прокуратуры я не получал. Приехав во Фрунзе, я случайно прочел о показаниях Каменева. Я тотчас отправился в Ташкент, оттуда выслал телеграмму на имя тов. Сталина и немедленно на самолете вылетел в Москву <...> И пока мой разум еще не помутился от того позора и бесчестия, которые созданы не только фактом моей подследственности <...> я не успел к суду, и следовательно, не могу уже требовать очной ставки с Каменевым, Зиновьевым, Рейнгольдом. Моих обвинителей поделом расстреляли, но их обвинения живут. Между тем, я не только не виновен в приписываемых мне преступлениях, но могу с гордостью сказать, что защищал все последние годы, и притом со всей страстностью и убежденностью, линию партии, линию ЦК, руководство Сталина <...> [9, л. 116].

Таких писем с попытками оправдаться и доказать абсурдность обвинений написано Бухариным много. Но сценарий уже был разработан, и решения относительно его судьбы уже были приняты.

Естественно, в этих условиях у партгруппы Академии руки в отношении Бухарина были окончательно развязаны. В протоколе № 18 заседания партийной группы Академии наук СССР от 22 октября 1936 г. читаем:

Отметить, что ни т. Волгин**, ни т. Бухарин не дали до сих пор партгруппе таких своих объяснений (о том, каким образом и по чьей вине в Академии наук на руководящих постах сгруппировались ныне арестованные контр-революционеры-троцкисты), которые помогли бы руководству Академии в раскрытии людей, связанных с арестованными контр-революционерами.

Выступая на заседании партгруппы, Горбунов заявил, что ни «т. Бухарин, ни т. Волгин не помогают распутывать концы к охвостьям арестованных контр-революционеров». Волгину предлагалось не позднее 10 ноября представить в письменной форме объяснения об обстоятельствах приема на работу (кем были приглашены, кем рекомендованы) ряда лиц, в том числе бывших сотрудников ИИНИТ — Урановского, Гарбера, Васильева и других арестованных [19, л. 25–27].

* А. Я. Вышинский (1883–1954) — академик АН СССР с 1939 г., юрист, историк, в то время генеральный прокурор.

** В. П. Волгин (1879–1962) — академик с 1930 г., неперенный секретарь Академии наук в 1930–1935 гг.

К заседанию партгруппы 14 ноября Бухарин и Волгин направили свои объяснения. Записка Бухарина на бланке ответственного редактора «Известий» с грифом «секретно» содержала много повторений из его предыдущего письма на имя Кржижановского и Горбунова. Он отмечал, что от него никто не требовал объяснений, хотя после своего отпуска он несколько раз виделся с Горбуновым. По сути вопроса он повторил свое мнение о необходимости разобраться с тем, как попали в Академию арестованные руководители партийной организации и ответственные за кадры. О сотрудниках ИИНИТ он пишет:

О приглашении Гарбера много я уже писал <...> я его пригласил по его просьбе, когда он был уже заведующим Азербайджанским филиалом АН (кто его проводил на этот высокий пост, я не знаю). Следует узнать, как он очутился на этом посту <...>. Об Урановском, назначенном в ИИНИТ в мое отсутствие, я писал: до этого, однако, он давно работал в Академии, но как он туда попал, вообще не знаю. О Васильеве: он проходил через меня, по линии НКТП для Института Иоффе (не академического), куда требовался образованный теоретически физик-марксист; его я знал по печатным произведениям, другой кандидатуры просто не было, кандидатура его была согласована, если память мне не изменяет, с Культпропом ЦК. Как он попал в ИИНИТ, я точно не помню. В Институте Иоффе было соответствующее солидное наблюдение (! — Ю. К.), представлявшееся мне серьезной гарантией — имен здесь называть не буду. О других арестованных у меня сведений нет.

В конце приписки (PS) к своему письму Бухарин просит зачитать его на заседании партгруппы, так как сам не в состоянии принимать в нем участие по болезни* [19, л. 37–40].

В пространной записке Волгина, в части, касающейся арестованных сотрудников ИИНИТ, сказано, что Гарбер впервые появился в системе Академии наук при включении в ее сеть Азербайджанского филиала как «местный бакинский работник». Когда некоторое время спустя он добился перевода в Ленинград, на его привлечение в Академию горячо настаивал Печерский **, знавший его по Баку. Представлял ли его от Института тов. Бухарин или тов. Деборин, я не припоминаю.

Об абсурдности сфабрикованного дела «террористов и контрреволюционеров» свидетельствует высказывание Волгина о том, что Бусыгин и Ко-

* В письме в Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 августа Бухарин писал: «Я сейчас ни физически, ни умственно, ни политически не в состоянии появиться на работе <...> я не смогу ничего ни приказывать, ни требовать, когда я подследственный <...> Я глубоко благодарен ЦК, что он не снял меня с «Известий», но прошу понять, что я работать смогу фактически только после того, как с меня будет снят позор каменевских клевет. Я разбит настолько, что буду сидеть или на квартире, или на даче и буду ждать вызова со стороны ЦК или прокуратуры» [9, л. 123].

** Печерский — один из главных арестованных в АН, одно время секретарь партийной организации Академии, затем инструктор ленинградского горкома ВКП(б).

шелев * резко критиковали Гарбера — «для прикрытия или не зная, что он связан с той же организацией». Естественно, они не могли этого знать, так как никакой организации не было, ее «создали» в органах НКВД уже после их ареста в ходе следствия под пытками.

Об Урановском Волгин пишет, что тот был привлечен к работе в Академии для преподавания, его поддерживали Бусыгин и Кошелев, а на редакционную работу он был рекомендован отделом печати ленинградского горкома. Васильев, о котором Бухарин писал, что направлял его к Иоффе, в ИИНИТ был приглашен самим институтом.

О царившей тогда в парторганизации Академии наук атмосфере свидетельствует следующее признание Волгина в конце его записки (он был обвинен в самовольном уходе с предыдущего заседания партгруппы АН):

На заседании <...> весь ужас пережитого вновь стал и я почувствовал себя на грани нервного припадка. Я ушел, не желая никого беспокоить. Жалею лишь о том, что я не заявил об этом секретарю партгруппы [19, л. 41–46].

Объяснительные записки Бухарина и Волгина были направлены Горбуновым Молотову на следующий день после заседания партгруппы АН с уведомлением, что обсуждение «этих объяснений» еще не закончено и будет продолжено 22 ноября. В протоколе этого нового заседания опять отмечалось, что объяснения Волгина неудовлетворительны и «он не проявил полной большевистской откровенности», а Бухарин уклоняется от личных объяснений. Вопрос было решено передать на рассмотрение «низовых партийных организаций, в которых состоят тт. Волгин и Бухарин».

Интересно, что на этом же заседании рассматривался вопрос о подготовке сборника «Академия наук СССР — тов. Сталину» и была создана постоянная рабочая комиссия во главе с будущим академиком М. Б. Митиным [19, л. 47–49].

Между тем положение Бухарина неуклонно ухудшалось. В начале 1937 г. он еще пишет оправдательные письма Сталину, членам Политбюро, вспоминает подробности встреч с Каменевым в ленинградском общежитии Академии, где он останавливался во время своих поездок в институт, рассказывает о своих встречах с зарубежными учеными, о работе в «Известиях», предлагает использовать его в Испании, где в это время шла гражданская война, соглашается на полный уход от политики и любой общественной работы и на уединение где-нибудь вдалеке от Москвы. Но Сталину не нужны свидетели, да еще не очень надежные, его роли в первые годы послеоктябрьского периода, не нужны не только рядом, но и в отдалении интеллектуалы более высокого уровня, люди, способные на самостоятельные мнения и решения.

Поэтому участь Бухарина и многих других деятелей партии разного

* Бусыгин и Кошелев в разное время были секретарями парторганизации Академии. О Кошелеве, например, Волгин пишет, что в Академии его раньше никто не знал, он был рекомендован горкомом ВКП(б), рабочий, никогда не был в оппозиции, с прекрасными характеристиками, не связанный с какими-либо ранее существовавшими в Академии группами.

уровня, вплоть до руководителей первичных парторганизаций, была предпринята. В информационном сообщении о февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) (23 февраля — 5 марта 1937 г.) указывалось, что «Пленум рассматривал также вопрос об антипартийной деятельности Бухарина и Рыкова и постановил исключить из рядов ВКП(б)» [21, с. 833]. А 21 мая 1937 г. Бухарин был выведен из состава президиума АН СССР и исключен из числа академиков*. Но еще до этих официальных решений на заседании партийной группы 22 апреля 1937 г. Бухарин был обвинен во «вредительских, антимарксистских, фашистских» писаниях. На этом заседании партгруппы** слушался вопрос «о направлении работ Института истории науки и техники и разногласиях между партийными работниками Института по этому вопросу». С докладом выступал академик Валериан Валерианович Осинский, ставший после ареста Бухарина директором института. В обсуждении приняли участие сотрудники ИИНИТ Найденов, Зворыкин, Свикке, а также академики С. Г. Струмилин и Г. М. Кржижановский. Интересно, что присутствовавший на заседании член партгруппы, бывший заместитель директора Деборин в обсуждении участия не принял. Партгруппа одобрила предложенную Осинским программу исследований. В постановлении была сделана попытка сформулировать методологические принципы работы над проблемами истории техники. В нем, в частности, отмечалось:

В. В. Осинский

Полагая, что нельзя написать всеобщую историю техники без отраслевых историй и отраслевые истории без всеобщей, считать, что работа Института должна развиваться одновременно как по линии создания отраслевых историй техники, так и по линии создания всеобщей истории

* Несмотря на огромный кадровый голод в стране, нехватку работников даже с начальным и средним образованием, судя по многочисленным документам Секретариата и Оргбюро ЦК в течение 1936–1937 гг. произошла смена почти всех руководящих партийных кадров совхозов, машинно-тракторных станций, железных дорог, пароходств, предприятий, секретарей парткомов многих вузов, научно-исследовательских институтов, не говоря уже о районном и областном звене. Все протоколы заседаний Секретариата ЦК содержат десятки пунктов с формулировками — «освободить» и «снять». Это многие тысячи фамилий. В этот период произошло практически полное обновление руководящих партийных кадров на всех уровнях. К руководству пришли люди «сталинского призыва», понимающие, что возможно только полное и безоговорочное подчинение «линии партии», т.е. линии Сталина.

** С 1937 г. изменилось название партийной группы — вместо партийной группы АН СССР, она стала называться партийной группой академиков АН СССР.

техники, причем в основе этой работы должен лежать метод последовательных вариантных приближений, исключающий противопоставления отраслевых историй — истории всеобщей.

Основной задачей института провозглашалась разработка теоретического наследия основоположников марксизма в области истории науки и техники.

Указывались и первоочередные задачи в разработке отраслевых историй техники — энергетика, металлургия, машиностроение, химия, рекомендовалось не загружать план вопросами истории второстепенных отраслей техники. Институту предлагалось смелей привлекать к своей работе историков, всемерно используя их помощь.

Как часто случалось в те годы, в условиях полной политической и правовой вакханалии и разрушения всех нравственных и моральных устоев, в институте началась борьба за то, кому быть «святее папы римского». Коллективу предписывалось энергично продолжать работу по разоблачению Бухарина и его приверженцев, а сотрудник института Найденов обвинял Зворыкина, назначенного заместителем директора, в продолжении им бухаринской линии. Правда, на заседаниях это обвинение признали «совершенно беспочвенным, лишенным каких бы то ни было фактических оснований». А вскоре сам Зворыкин опубликовал в «Вестнике АН СССР» статью, в которой писал, что институт под руководством Бухарина превратился в «фашистский форпост».

Перевод института — или, вернее, как уже отмечалось, его названия — в Москву без сотрудников из Ленинграда и включение в его состав группы историков техники из бывшей Комиссии Коммунистической академии предопределили перекося в планах его работ в сторону истории техники. В рассматриваемом решении партгруппы конкретные задачи в области истории науки не фигурировали. Однако завершался документ весьма важной пафосной декларацией, которая в нормальных условиях могла бы стать решающей для дальнейшей судьбы института:

Партгруппа придает исключительное значение деятельности Института истории науки и техники, считая, что новое здание АН должно быть увенчано, наряду с естественно-историческим музеем, — показом истории развития науки и техники [19, л. 64–66].

Принять участие в строительстве «нового здания» Академии наук институту не пришлось. Через несколько месяцев был арестован и в 1938 г. погиб второй его директор академик Осинский. Началась кадровая чехарда, обязанности директора по несколько месяцев выполняли Я. М. Свике, историк техники, затем Б. Г. Кузнецов. А. А. Зворыкина сначала уволили из института, затем восстановили в должности [2, с. 17]. Положение в институте не могло не вызвать озабоченности в Академии, особенно у В. И. Вернадского, одного из основоположников и организатора историко-научных исследований. Ситуация осложнилась публикацией в начале января 1938 г. в газете «Правда» фельетона о работах института. Вероятно,

по инициативе В. И. Вернадского, во всяком случае при его активном участии, 20 января 1938 г. состоялось «совещание об Институте истории науки и техники», в котором принимали участие академики А. М. Деборин, В. Ф. Миткевич, В. И. Вернадский, Б. Д. Греков и, вероятно, сотрудники института Радулов, Кузнецов и Дузь*.

Все выступавшие — Вернадский, Деборин, Миткевич, Греков и представлявший, судя по тексту, руководство института и партийную организацию Дузь пришли к единому мнению о том, что институт надо сохранить, а директором обязательно должен быть академик. Вопрос о директоре стал в обсуждениях главным, предлагались кандидатуры В. И. Вернадского, В. Ф. Миткевича, С. И. Вавилова, И. А. Орбели, Б. Д. Грекова. Из присутствовавших и Вернадский, и Миткевич, и Греков по разным мотивам категорически отказались от директорства в ИИНИТ, и вопрос остался открытым. Несколько странным выглядит то обстоятельство, что никто не предлагал кандидатуру Деборина — бывшего заместителя директора. Судя по письму из Ленинграда от 18 января, на это совещание был приглашен С. И. Вавилов. В этом своем письме на имя Г. М. Кржижановского Вавилов констатирует отсутствие в теперешнем составе института специалистов по истории науки и предлагает ИИНИТ как самостоятельное учреждение ликвидировать, организовав при Институте истории секцию истории науки и техники, а при Архиве АН отдел истории Академии наук из трех человек. Правда, несколько раньше, в письме В. И. Вернадскому от 3 января 1938 г. С. И. Вавилов писал о Комиссии по истории Академии наук как о деле решенном:

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Дело, одним из ранних пионеров которого Вы являетесь, а именно истории Академии наук в связи с историей русской науки и культуры, опять становится предметом специального изучения.

По решению Президиума АН СССР в г. Ленинграде при Архиве Академии наук в настоящее время под моим председательством создана Комиссия по истории Академии наук. Владимир Иванович, Ваше участие в работах этой Комиссии крайне желательно и необходимо. Первая задача, которая поставлена перед Комиссией, это создание краткого очерка истории Академии наук с момента ее возникновения до наших дней. Необходимость в таком очерке назрела, и его нужно написать. Сейчас разработан план такого очерка. Владимир Иванович, разрешите Вам позже послать этот план с тем, чтобы Вы могли сделать свои замечания [22, с. 353–354].

Небезынтересная деталь содержится в письме В. И. Вернадского С. И. Вавилову от 25 октября 1939 г. Предлагая Вавилову как председателю Комиссии по истории Академии наук продолжить проводившуюся под руководством Вернадского работу по истории Академии и указывая на наличие большого подготовительного материала, он упоминает Комиссию по истории знаний, в которой ранее велась эта работа. Но в качестве «продолжения» КИЗ он говорит не об Институте истории науки и техники, а о

* Протокол этого совещания и письмо С. И. Вавилова по поводу института обнаружили в Архиве АН В. М. Орел и Г. И. Смагина.

Комиссии по истории науки и техники. Мог ли Вернадский сделать эту описку по забывчивости или не хотел в письме даже упоминать опальный институт [22, с. 355]?

Что могло заставить С. И. Вавилова, наряду с В. И. Вернадским одного из главных пропагандистов историко-научных исследований, выступить с предложением о закрытии ИИНИТ? По всей видимости, трезвый анализ ситуации, сложившейся вокруг института, понимание того, что продолжение работы в такой обстановке может привести только к полной профанации исследований и, как следствие, дискредитации истории науки и техники. С одной стороны — разгром кадров, с другой — доведенный до абсурда идеологический пресс не оставляли шансов организовать научную работу на необходимом уровне.

Таким образом, оказалось, что никто из академиков, в той или иной мере близких к проблемам истории науки и техники, не захотел взять на себя роль руководителя этих работ и возглавить институт. Судьба двух предыдущих директоров, явная идеологическая направленность, придаваемая историко-научным работам, не вызывали энтузиазма. 5 марта 1938 г. постановлением президиума АН СССР институт был закрыт. Трагическая судьба постигла и главного оппонента Бухарина в тяжелых разбирательствах по делам института — академика Н. П. Горбунова. 20 июня 1937 г. президиум АН принимает странное решение об упразднении должности неперменного секретаря Академии наук как «лишней» и освобождении Горбунова от работы в президиуме [12, л. 82, 83].

Вскоре он был арестован по сфабрикованным обвинениям и в 1938 г. расстрелян. «Место смерти не установлено» — такая запись в справочнике персонального состава АН у фамилии Горбунова и других членов Академии, фигурировавших в документах, связанных с ИИНИТ, — В. В. Осинского, Д. Б. Рязанова, Н. М. Лукина, И. К. Луппола, Б. М. Гессена, С. Г. Томсинского.

История отечественной науки и техники XX в. изобилует примерами того, как внешние, не научные, а политико-идеологические факторы влияли на судьбу целых научных направлений, научных коллективов и отдельных ученых, приводили к их гибели, а труды к антинаучной деформации.

Судьба ИИНИТ, судьбы многих ученых, связанных с институтом, — пример трагедии, когда недообразованная власть делает из науки служанку своих примитивных идеологических целеустремлений. К сожалению, та обстановка первых лет существования института, которая запомнилась Л. С. Полаку, — раскованная, дружеская, со свободными дискуссиями [4, с. 18], была быстро уничтожена под прессом идеологического диктата и политических репрессий сталинского режима. Однако последующее развитие исследований по истории науки и техники, создание ИИЕ, а затем ИИЕТ, пережившего и после 1953 г. идеологические деформации, показывает, что настоящая наука непобедима.

Литература

1. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 1. Оп. 1. — 1932. Д. 260.
2. Илизаров С. С. Формирование в России сообщества историков науки и техники. М., 1993.
3. Кольцов А. В. Научно-организационная деятельность академика Н. И. Бухарина в Академии наук СССР // Бухарин Н. И. Избранные труды. Л., 1988. С. 425–436.
4. Кирсанов В. С. Возвратиться к истокам? (Заметки об Институте истории науки и техники АН СССР, 1932–1938 гг. // ВИЕТ. 1994. № 1. С. 3–19.
5. Коэн С. Политическая биография Бухарина. М., 1989.
6. Ларина А. М. Незабываемое. М., 1989.
7. «Наше положение хуже каторжного» // Источник. 1996. № 3. С. 109–140.
8. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1952 / Сост. В. Д. Есаков. М., 2000. С. 55–86.
9. РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 5.
10. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 24.
12. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9929.
13. РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 6.
14. Торчинов В. А., Леонтьев А. М. Вокруг Сталина. Историко-биографический справочник. СПб., 2000.
15. Бухарин Н. И. Избранные труды. Л., 1988.
16. РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 14.
17. РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 1.
18. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 931.
19. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 937.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 227.
21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1953.
22. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1988.

Приложение 1

Тов. Кржижановскому, Вице-президенту Ак.наук
тов. Горбунову, неременному Секретарю Ак.наук

Уважаемые товарищи,

Из четвертых рук я, член Презид. Академии и директор Института по истории науки и техники, узнал, что вы фактически распустили и прикрыли институт, не сказав об этом мне ни слова.

После приезда из-за границы я был у вас и говорил с вами, но вы не издали ни звука по поводу института.

Я утверждаю, что а) Институт был одним из лучших Институт в Академии наук; б) что его научная продукция была на высоком количественном и качественном уровне; в) что в нем были очень ценные работники; г) что его издания (часть коих я регулярно посылал членам ПБ ЦК) были признаны и заграничной печатью. Вы Институт закрыли, очевидно, в связи с арестом Гарбера (которого я перед моим отъездом предполагал уволить в силу его некорректного поведения, и написал приказ о назначении на его место крепкого партийца инженера Рыбакова) и Урановского, который был временно назначен в мое отсутствие, когда я был за границей !!!

Но Институт не состоял из одного Гарбера и Урановского.

Вы Институт закрыли. Вы уволили, вопреки закону, всех до единого со-

трудников. Вы прекратили все издания Института. Его наследство вы передали т. Зворыкину, главе тех московских историков, которые обстреливали работу Института, исходя из позиции школы М. Н. Покровского, осужденной партией.

И вот, вы не только закрываете без всякого моего ведома Институт, но передаете — тоже без моего ведома — его наследство в руки «покровцев» только потому, что это «люди т. Кржижановского», сидевшие с ним в упраздненном Комитете по техническому образованию.

Такой нелояльности и такого самоуправства еще не было за все то время, как я нахожусь в Академии.

Эти неслыханные мероприятия, коими вы, очевидно, хотите отыгаться на одном институте за аресты, кои шли по всей Академии, являются наглядным выражением вашей политики страховки и сваливания вины на других, политики трусливой и недостойной.

Если вы могли предполагать, что в контр-рев. группировках замешаны еще и другие сотрудники, вы обязаны были сказать об этом мне, вместе со мной обсудить положение и вместе со мной провести необходимые мероприятия.

Я поэтому вынужден заявить, что

1) я не несу никакой ответственности за ваши действия по разгрому Института;

2) я протестую и с формальной точки зрения против методов самоуправства;

3) я протестую против передачи наследства в руки товарищей, «опрокидывающих политику в прошлое» под видом науки;

4) я оставляю за собой полную свободу действий, в том числе свободу обращения в руководящие инстанции.

1 июня 1936 г. Н. Бухарин

Копия верна

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 937. Л. 60б.]

Приложение 2

Непременный секретарь Академии наук
Союза Советских Социалистических Республик
Москва

Телеграфный адрес: Москва АН

10 июня 1936 г. № 4 п/сс

СЕКРЕТНО

Н. И. БУХАРИНУ — Директору Института Истории науки и техники

Уважаемый товарищ,

Ваше письмо лишний раз подтверждает, что Вы в последнее время сильно оторвались от жизни Академии наук. Этим и объясняются, вероятно, наши разногласия с Вами во взглядах на положение в Институте Истории Науки и Техники, директором которого Вы состоите.

Вы считаете, что положение в Институте было вполне благополучным и

что он был одним из лучших институтов АН. В действительности дело обстоит следующим образом.

Руководство Института и комплектование его кадров фактически находилось в руках контр-революционной группы ГАРБЕРА (быв. троцкист, которого Вы пригласили из Баку), УРАНОВСКОГО и близко связанного с ними быв.эсера ВАСИЛЬЕВА. До них у фактического руководства стояли РОКАХ, осенью исключенный из партии за проведение троцкистской линии, и ТЫМЯНСКАЯ (была связана с Л. Б. КАМЕНЕВЫМ). После ареста ГАРБЕРА и УРАНОВСКОГО фактически никакого непосредственного руководства в Институте не осталось, если не считать тов. БОГОНЕНКО, являвшегося помощником директора по адм.-хоз. части и в научном отношении совершенно неквалифицированного.

Из 6 старших специалистов Института ГАРБЕР, УРАНОВСКИЙ и ВАСИЛЬЕВ, как принадлежащие к троцкистской контр-революционной организации, арестованы, ГУКОВСКИЙ — лицо в высшей степени сомнительное и несоветски настроенное, БЫКОВСКИЙ — несколько раз исключался из партии, лицо его должно быть, во всяком случае, тщательно проверено, и только ЛУРЬЕ, Соломон Яковлевич, являющийся крупным специалистом по античности, может быть, по мнению Вашего заместителя тов. ДЕБОРИНА, оставлен в Институте. Таким образом, и в отношении старших специалистов дело обстоит далеко не благополучно.

Ваше заявление, что наследство Института мы передали ЗВОРЫКИНУ, не соответствует действительности. ЗВОРЫКИН введен только в техническую комиссию по переводу Института в Москву; кандидатура его была согласована с Вашим заместителем т. Дебориным. Все предложения этой комиссии поступят на рассмотрение Президиуму АН.

Ваше сообщение о том, что мы прекратили все издания Института, также не соответствует действительности. Ни одно издание не прекращено, наоборот, некоторые ленинградские сотрудники, состоящие в штате, переводятся на договора, для того, чтобы обеспечить продолжение изданий. Однако список изданий подлежит, конечно, пересмотру.

Основная работа Института проводилась не штатными сотрудниками, а на основе договора с разнообразным кругом лиц. Эти договора заключались бесконтрольно. О результатах просмотра этих договоров Вам будет сообщено дополнительно.

Получив Ваше письмо, мы попросили т. Деборина еще раз тщательно пересмотреть весь состав работников Института и выделить тех, которых он считал бы необходимым сохранить для работы в Институте после перевода его в Москву. Оказалось, что из 25 научных работников т. Деборин признал возможным оставить на договорных началах только 7 человек, и то только после тщательной проверки*.

На основании всего этого я никак не могу согласиться с Вашей характеристикой состояния Института. Фактически Институт был гнездом и одним из главных опорных пунктов контр-революционеров и троцкистов в АН.

В заключение должен отметить, что вопрос о переводе Института в Москву был не только согласован с Вашим Заместителем т. Дебориным, но и

* Подчеркнуто В. М. Молотовым.

поставлен по его инициативе; такой перевод является безусловно нужным и необходимым, т.к. и Директор и Заместитель Директора Института находятся в Москве, фактическое его руководство оказалось в руках врагов Советской Власти.

Президиум АН считает себя виновным только в одном — что он раньше не принял соответствующих мер в отношении Института Истории Науки и Техники.

НЕПРЕМЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ АКАДЕМИИ НАУК Н. Горбунов

10.VI.36 г.

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 937. Л. 7, 7об.]

Приложение 3

Ответственный редактор
ГАЗЕТЫ
«Известия ЦИК СССР и ВЦИК»
Н. И. Бухарин

Адрес: Москва, Страстная площ.
пр. им. Скворцова-Степанова, 5
тел. 4-22-44

Дорогой Вячеслав Михайлович,

Посылаю копию своего ответа т. т. Кржижановскому и Горбунову
В приложении — список трудов Института.

Твой Н. Бухарин

14.VI.36.

Резолюция Молотова:
т. Чубарю
для свед..

помета — Архив

СЕКРЕТНО

Тов. Кржижановскому, вице-президенту Акад. наук
Тов. Горбунову, неременному секретарю
Копия: тов. Сталину
тов. Молотову

Уважаемые товарищи,

Я получил письмо тов. Горбунова и не могу не выразить своего крайнего изумления по его поводу.

Во-первых, Вы не только не отвечаете на поставленный мною вопрос о самоуправстве, о том, что все ваши единоличные распоряжения вы сделали, ни единым словом не переговорив со мной как с директором института. Вы этот вопрос, центральный вопрос моего письма, заменяете другими. А по существу вы подтверждаете мои обвинения. Ибо вы никак не можете — и никогда не сможете — мне объяснить, чем извиняется ваше полное игнорирование моего существования. Повторяю: я был у вас по

приезде из заграничной командировки — вы не сказали мне ни слова. Вы принимали решения, и вы меня не известили даже телефонным звонком. И т. д. Более того: вы и сейчас пишете, напр.: «О результате просмотра договоров Вам будет сообщено дополнительно». Сперва вы делаете, потом — теперь только! — любезно обещаете «сообщить». А раньше и этого не сделали. В этом мой вопрос. Вы не имели никакого права обходить меня, за моей спиной действовать. Я вам не мертвый и не пешка. Я не знаю в истории наших учреждений аналогичных случаев полного игнорирования товарища, возглавляющего данное учреждение.

Во-вторых. Вы решаетесь писать в конце письма, что «Президиум АН считает себя виновным только в одном, что он раньше не принял соответствующих мер в отношении Института истории науки и техники».

Нельзя не выразить крайнего изумления, прежде всего, по поводу позы «спасителей отечества», в которую вы становитесь. Вы ничего не открыли, никого не разоблачили: это сделали органы НКВД, и вам нечего приписывать себе заслуги, коих вы не имеете. А затем: кто в вашем письме фигурирует под псевдонимом президиума! Из протокола партгруппы видно, что это т. т. Кржижановский, Горбунов и Зубов. Зубов не член президиума вообще. О т. Горбунове при его назначении специально шел разговор, чтобы он не подменял собой президиума. Остается т. Кржижановский. Единоличные приказы издал все же тов. Горбунов. Но ведь партия меня послала тоже в этот президиум. Почему вы не созвали партчасть президиума и даже не известили меня как члена президиума и директора Института о намечаемых вами решениях? Какое вы имели право заранее исключать меня отсюда? Это не верх самоуправства?

В-третьих. Вы гордитесь принятыми вами мерами. Но факт остается фактом: из трех перечисленных вами арестованных

Урановский был назначен во время моей заграничной командировки.

Гарбера не успели снять, вопреки тому, что я специально перед заграницей ездил в Ленинград и, в конце концов, написал приказ о назначении на его место тов. Рыбакова, т.е. предрешил вопрос о его снятии.

Следовательно, то, что 1) появился Урановский, 2) не появился Рыбаков, — к этому я не имею никакого отношения. Я, а не вы — и задолго до вмешательства НКВД — хотел сменить Гарбера (хотя и не знал о его двурушничестве), и сам не успел этого сделать только из-за своего отъезда, оставив приказ о назначении Рыбакова. Вы, а не я провели Урановского. Таковы факты, а не ваши выдумки.

В-четвертых. Насчет лиц, о коих вы говорите, вы имеете, очевидно, самое малое представление. Позвольте привести в ответ на ваши утверждения фактическую справку.

Вы пишете о Гарбере: быв. троцкист, которого Вы пригласили из Баку. Тонко сделано!

Гарбер был членом партии и главой Азербайджанского отделения Академии. Он просил о переводе, я на это согласился. Вам нечего «намекать», что я его пригласил в качестве «бывшего троцкиста».

«Быв.эсер Васильев» — был членом партии, известным физиком-коммунистом: вопреки вам, он в Институте никакими кадрами не руководил.

Роках давным-давно в институте не работает. Исключен из партии вовсе не за «проведение троцкистской линии», как вы пишете. Его фактически исключил Гарбер, организовав против него настоящий политический поход

под маской (теперь это ясно) своей ультра-ортодоксальности и ультра-партийности. О Рокахе (о его исключении из партии) дело следовало бы поэтому дополнительно пересмотреть. Тымянская давным-давно работает не у нас, а в другом институте Академии. Ее муж — философ, профессор Толмачевки, был недавно награжден. Ее давно «выжил» из института не кто иной, как Гарбер; более того, мое решение о смене Гарбера было продиктовано в известной мере рассказом Тымянской (давным-давно у нас не работающей) о недостойном поведении Гарбера и о политике оклеветания им работников института. Именно Тымянская говорила о сомнительности и непорядочности Гарбера. Совершенно неправдой является, что Тымянская когда бы то ни было «руководила»: она была (сто лет тому назад) техническим работником. Непонятно, откуда вы взяли, что Гуковский (до Гарбера несколько лет бывший ученым секретарем института, очень образованный и знающий инженер, социолог, большой полиглот) «в высшей степени сомнительный и несуетский (!!) настроенный». Эти слухи, в первую очередь, распространял Гарбер, чтобы выжить его из института. Гуковский — родной племянник бывшего нашего Наркомфина Гуковского, никогда никто не замечал, чтоб он был антисоветским. Выгодский несколько раз исключался и несколько раз восстанавливался. Верно. Но поинтересовались вы узнать, почему? И известно вам его научное лицо? Так вот. Выгодский — единственный марксист — блестящий знаток истории математики. Исключался он потому, что за ним тащится одна и та же история: он работал в денкинском Осваге как агент большевистской подпольной организации. Каждый раз ему говорят об Осваге, и каждый раз ему приходится доказывать, что он выполнял труднейшее поручение партии. Так вы валите всех и вся в одну кучу. (О других работниках вы вообще не говорите.) Троцкистов нужно душиť всеми способами, и я не меньше вашего в этом заинтересован. Я нисколько не исключаю, что — раз вскрыта столь далеко идущая конспирация и столь глубокое двурушничество — возможны и дальнейшие всякие неожиданности. Ни за кого нельзя ручаться. Но из этого не следует, что не нужно добросовестно и тщательно изучать дело.

Наконец, никак нельзя согласиться с тем, что руководство института было в руках Гарбера. Был и есть тов. Деборин, который меня заменял. Что касается общих вопросов (я, связанный ночной работой в газете, почти не мог ездить в Ленинград), то вся основная линия и все более или менее крупные вопросы решались мною и т. Дебориным.

В-пятых. Вывод ваш — об одном из главных гнезд и опорных пунктов — поэтому односторонен. Вам бы следовало не позабывать, что:

- 1) взят бывший секретарь всей партгруппы, специально присланный Культпропом ЦК, правая рука председателя фракции — Печерский;
- 2) бывший секретарь всей парторганизации, специально присланный для санирования парторганизации ленинградским губкомом, — Кошелев,
- 3) бывший заведующий всеми кадрами Академии — Бусыгин и т.д.

При таком положении вещей, если здесь нет трагической ошибки, нужно было бы более серьезно подойти к делу.

Вы мне навязываете мысль, будто я считаю, что все в институте было благополучно. Между тем, я ни одной минуты не возражал против чистки, даже не зная еще всей серьезности причин, обусловивших арест указанных лиц. Более того, я писал вам: «Если вы могли предполагать, что в к-р группировках замешаны и другие сотрудники (т.е. кроме арестованных),

вы обязаны были сказать об этом мне, вместе со мною обсудить положение и вместе со мною провести необходимые мероприятия».

В этом — гвоздь. Но я продолжаю утверждать, что институт был одним из лучших по своей научной работе, вопреки затесавшимся в него контр-рев. двурушникам: стоит только просмотреть его издания, т.е. его научную продукцию. Об этой стороне дела вы вообще не считаете нужным думать. Вы представляете в письме дело так, что я возражаю против перевода в Москву. Но это вздор. Я возражаю против ваших методов работы!

Вы пишете: «Ваше заявление, что наследство института мы передали Зворыкину, не соответствует действительности. Зворыкин введен только в техническую комиссию по переводу Института в Москву».

Это же издевательство над истиной!

Передо мной копия «распоряжения» тов. Горбунова.

Состав комиссии:

т. Зворыкин (председатель)

Радулов,

Жидловский.

Одна группа!

В числе функций ее значится (§5, §6 «распоряжения»):

«Комиссии к 1/VI с.г. закончить пересмотр работ Института как сданных в печать, так и уже печатающихся, с целью установления целесообразности их издания и продолжения этих работ (§ 5).

К 20/VI с.г. представить на утверждение президиума Ак.Н. план работы, смету и штаты Института истории науки и техники».

И после этого вы считаете позволительным говорить о том, что «Зворыкин введен (!!) только в техническую (!!) комиссию по переводу Института в Москву».

Если директор Института устраняется от изданий, их плана, плана всей работы, смет, штатов, etc, то что же за ним остается?

Повторяю: что вы меня за мертвого считаете? и имеете смелость осуждать за то, что я протестую против таких приемов?

Ведь мне же известно стало (не от вас), что т. Горбунов 23-V велел собрать общее собрание сотрудников, на котором был прочитан приказ Горбунова (!), объявлявший о ликвидации ин-та с 23 мая, об увольнении всех сотрудников с выплатой двухнед. пособия и организации ликвидкома. 25-V было вывешено распоряжение об увольнении не с 23.V, а с 7.VI со ссылкой на тот же приказ.

26 — впервые появилась формула о «перевод в Москву».

Однако тов. Горбунов разъяснил в ответ на один запрос, что никто из сотрудников в штат зачислен не будет. И т.д.

И все это опять без малейшей попытки что-либо согласовать со мной. И все это решает «президиум» (т.е. Кржижановский + Горбунов).

Суммируя главное и основное: протестую против подмены одного вопроса другим. Смешно пред лицом фактов, раскрытых в Академии наук, дискутировать о необходимости обследования ее штатов и чистки всего еще не очищенного. Это аксиома. В этом отношении и наш институт, как одно из учреждений Академии, в котором оказались к-р двурушники, подлежит жестокой проверке и чистке. Я не снимаю с себя ответственности за то, что не разгадал двурушничества Гарбера и других. Но то, против чего я

протестовал, лежит совершенно в другой плоскости: я протестовал и протестую против полного игнорирования меня как директора И-та и члена президиума в обсуждении и принятии коренных мер по очистке Академии, в чем я заинтересован отнюдь не менее вас. Все это и вынудило меня обратиться непосредственно к высшим партийным инстанциям. Вы же полагаете, что эти протесты, вполне законные с моей стороны, политически ошибочны, ибо, очевидно, политически правильным по-вашему является подменять один вопрос другим и проявлять по отношению к директору института отношение, поистине беспрецедентное в истории наших учреждений.

Н. БУХАРИН

P.S. Характерно, что мне не было сообщено, что мое письмо т. т. Горбуну и Кржижановскому они ставят на партгруппу. Осуждение моего письма ets было принято заочно.

14/VI-36

11.VI нл

СПИСОК

научных работ, выполненных Институтом истории науки и техники
(Организован в марте 1932 г.)

СЕРИЯ I

Архив истории науки и техники

Выпуск I — 19 печатных листов. 1933.

« II — 22	»	1934
« III — 24	»	1934
« IV — 28	»	1934
« V — 44	»	1935
« VI — 35	»	1935
« VII — 35	»	1935
« VIII — 35	»	1936
« IX — 35	»	печатается
« X — 35	»	»
« XI — 35	»	подготовлен к печати
« XII — 35	»	-»-

СЕРИЯ II

МОНОГРАФИИ

Выпуск I — Сборник памяти Эйлера. 20 печ. листов. 1935.

- « II — А. А. Радциг. История теплотехники. 35 л. 1936.
- « III — О. А. Добиаш-Рождественская. Корбийская мастерская письма. 16 листов. 1935.
- « IV — С. Г. Струмилин. Черная металлургия в России и СССР. 20 печ. листов. 1935.
- « V — С. Я. Лурье. Бесконечно малые в древней атомистике.
- « VI — И. К. Сморгонский. Кораблестроительные термины нерусского происхождения. 14 печ. л. 1935.
- « VII — П. П. Забаринский. Первые «огневые» машины в Кронштадтском порту. 12 л. 1936.

« VIII — Л. С. Полак. Гамильтон и принцип наименьшего действия. 15 печ. листов. 1936.

« IX — Б. Н. Меншуткин. Труды Ломоносова по физике и химии. 45 печ. листов. Печатается.

« X — Е. А. Цейтлин. Технический переворот в льнопрядении. 12 печ. листов. Печатается.

СЕРИЯ III

Выпуск I — История динамо-машины. 40 печ. листов. 1934.

« II — История электродвигателя. 50 печ. листов. 1936.

« III — Агротехника зап.-европ. феодализма. 30 печ. л. Печатается.

СЕРИЯ IV

Фундаментальная история техники

Выпуск I — Б. Л. Богаевский. История техники. Т. I. 45 печ.л. Выходит из печати.

« II — Техника древнего востока. Сбор. под ред. М. Я. Лурье. 25 листов. Подготовлен к печати.

СЕРИЯ V

Научно-популярная

Выпуск I — Техники и изобретатели крепостной России. 15 печ. л. 1934.

« II — Пионеры машинной индустрии. 15 печ. л. Подг. к печати.

ВНЕ СЕРИИ

А. А. Радциг. История паровой турбины. 1934.

Акад. А. Н. Крылов. Теория астрономической рефракции Ньютона. 1935 г.

Очерки истории техники докапиталистических формаций. Подгот. к печати.

Кроме того, сборники памяти Маркса (50 листов) и Ленина (60 листов) также осуществлены Институтом.

[РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 9929. Л. 12—21]

Публикация Ю. И. Кривоносова